

Юрий Сушко

Марина Влади

Обаятельная «колдунья»



Биографии великих
Неожиданный ракурс

Юрий Михайлович Сушко
Марина Влади,
обаятельная «колдунья»
Серия «Биографии великих.
Неожиданный ракурс»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4444718

Сушко Ю. М. Марина Влади, обаятельная «колдунья»: Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-59974-5

Аннотация

Эта красивая женщина с удивительной судьбой давно стала «нашей», очень близкой и родной, несмотря на французское гражданство. И дело не столько в русских корнях. Марина Влади была женой великого русского барда Владимира Высоцкого. Многие годы она, как самый близкий ему человек, разделяла его сложную судьбу, душевную боль и чаяния. О Марине Влади написано множество книг, но впервые все самое ценное, интересное и значимое собрано воедино. В итоге автор представляет читателям созданный им образ иной Марины Влади – нежной, хрупкой, легкоранимой женщины, умеющей и любить, и прощать...

Содержание

«Мой вишневый сад»	6
«la Ragazza in Vetrina» – «Золушка в витрине»	28
«Jours D`Amour» – «Дни любви»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Сушко Марина Влади,

обаятельная «колдунья»

– ...Я?.. В Россию?! Девочка моя, ты сошла с ума. О чем ты говоришь? – Мама мягко улыбнулась. – Да как тебе в голову могло прийти такое? Полвека прошло, вся жизнь...

– Вот именно поэтому, мамочка. – Марина встала из-за стола. Медленно прошлась по комнате, остановилась рядом с Милицей Евгеньевной. – Именно поэтому... Представь себе, ты вернешься в свою молодость. Ощутишь себя юной, здоровой, беспечной, с головой окунешься в воспоминания, переживешь те самые чувства, которые ты испытывала тогда...

– О нет! – Мама протестующе подняла руку. – Только не это. Я не враг себе самой. Не дай боже еще раз такое пережить...

– Мамочка, неужели тебе не хотелось бы вновь войти в тот зал в Смольном, в котором ты танцевала? Помнишь, ты рассказывала о своем выпускном бале, ты танцуешь перед государем императором...

– Никогда не стоит возвращаться туда, где ты был однажды счастлив. Ничего не повторяется дважды. Мы возвращаемся другими и видим все по-другому. И обыкновенно наступает разочарование, поверь. Неужели с тобой такого не

бывало?

– Нет, – улыбнулась Марина и присела на диванчик рядом с матерью.

Мама прикоснулась к ее плечу:

– Ну вот, это еще раз подтверждает, какая ты у меня еще совсем маленькая, молоденькая... женщина.

– А я уже обо всем договорилась, распланировала чуть не по дням. Вначале мы бы полетели в Москву на открытие кинофестиваля. Обычно русские делают это чрезвычайно помпезно, с шиком и размахом... Потом бы поехали поездом в Петербург. Это всего-навсего одна ночь. Затем...

– А что там сегодня, в Смольном? В 17-м, насколько я помню, там располагался штаб Петроградского военно-революционного комитета.

– Ой, я точно не знаю... Что-то вроде мэрии, Городского совета, кажется. Нет, точно не скажу... Прости.

– А Адмиралтейскую иглу ты видела? По-прежнему сияет?

– Конечно.

– Ну хоть это хорошо. Ты же помнишь, что твой прадед был адмиралом, когда-то заседал в самом Адмиралтействе.

– Я помню, мамочка...

«Мой вишневый сад»

Маша. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди – это военные...

А. Чехов – «Три сестры»

– Помнишь, Катюш, – бабушка предпочитала называть Марину вторым, домашним, именем, – я тебе «Бородино» Лермонтова читала? Как там Михаил Юрьевич о полковнике писал? «...Слуга царю, отец солдатам». Помнишь?.. Ей-богу, это о твоём дедушке, мамином отце.

Энвальды – потомки древнего рода викингов – верно служили российскому престолу. Так повелось ещё со времен Петра Великого. Празднуя победу под Полтавой, царь Петр устроил в своем полевом шатре пышный обед, куда пригласил даже пленных шведских офицеров. Знаешь, какой тост тогда провозгласил Петр? «Пью за здоровье моих учителей в военном искусстве!» И указал на шведов. А потом предложил им поступить на службу в Российскую армию. Желающих оказалось немало, тем более что их король Карл подло бросил свое разбитое войско на произвол судьбы, а сам сбежал...

Вот так, Катюша, дедовы предки навеки остались в России. За двести с лишним лет эти земли стали им родиной, а Энвальды, сохранив свою скандинавскую фамилию, – право-

славными, исконно русскими людьми... Дедушка твой, Евгений Васильевич, был натуральным русаком. Блестящий офицер, красавец, романсы пел изумительно... Устоять перед ним было невозможно. Но, – бабушка даже приосанилась, – посватался он ко мне. Так мы, Верженские, и породнились с Энвальдами...

Нес службу Евгений Васильевич достойно. Перед войной с японцами он был уже полковником, командовал Воронежским полком. А жили мы тогда в Харькове...

– Почему?

– Что «почему»? Там был расквартирован полк.

– Но почему же тогда Воронежский, а не Харьковский? – не унималась дотошная девочка.

– Катюш, я знаю, что в географических науках ты разбираешься. Воронежский – это наименование полка. Вот ты – Полякова-Байдарова, но живешь не в Польше и не в Крыму, у Байдарских ворот, а во Франции...

– Да, поняла я, поняла, прости, бабушка.

– Ладно, почемучка. Давай-ка попьем чайку.

– С беже?

– А как же мама?

– А мы ей не скажем...

(Всякие сладости и мучное для дочерей Поляковых-Байдаровых находились под строжайшим запретом. Мама готовила своих девочек к балетной сцене, надеясь, что их успехи превзойдут ее собственные. Нарушительниц табу ожида-

ла суровая кара – несколько часов дополнительных занятий у станка в домашнем танцевальном классе. Коварная соседская девчонка Танюшка Фролова тайком таскала им конфеты и пирожные, а потом следила, как кое-кто из сестриц за обе щеки уплетал запрещенные сладости, только Маринка, вредина, стиснув зубы и чуть не плача, упрямо отказывалась от дармового угощения. «А однажды она даже назвала меня толстой булкой, – жаловалась искусительница, – и пригрозила, что расскажет все маме, если я буду и дальше носить им шоколад».)

– Ладно, с безе так с безе, – бабушка улыбнулась своей любимице. – Никому не расскажем... Кстати, эти пирожные я научилась печь еще в России. Все, кто бывал у нас в гостях, мои безе обожали, называя их «поцелуйчиками»... Евгений Васильевич опекал молодых офицеров, зачастую приглашал их к нам, а уж на Рождество и Пасху – обязательно. Свои именины офицеры-холостяки тоже, как правило, справляли в нашем доме, такую традицию твой дед завел в полку.

Существовали и другие правила, которые боже сохрани было нарушить. Скажем, к солдатам дети должны были обращаться только на «вы». Сам полковник, подобно своему кумиру Александру Васильевичу Суворову, кушал из одного котла с солдатами. Ровно в полдень командир появлялся в общем зале, читал молитву и усаживался за стол вместе с солдатами. И главное – никто не знал, за какой именно стол сядет полковник. Поэтому повара и интенданты старались,

чтобы все столы накрывались одинаково хорошо. В еде Евгений Васильевич, кстати, не был привередой, но одного терпеть не мог – подгоревшую кашу. Поэтому на полковой кухне готовили только в особых медных котлах с двойным дном, с глицерином от пригара.

В офицерской среде существовал один закон: мы – одна семья. Хотя люди в полку служили самые разные – и по национальности, и по вероисповеданию. Большинство почему-то – выходцы из польской шляхты, но и кавказцев тоже хватало – осетины, армяне, грузины...

Семейство наше считалось обеспеченным. Посуди сама, командиру полка полагалось жалованье около 500 рублей.

– Это много? – заинтересовалась Марина.

– Довольно прилично. Ну как бы тебе объяснить? Почта-льон, к примеру, за труды получал около двадцати рублей в месяц. Но ты учти, Катюш, что на свои, а не на казенные деньги мы снимали дом, из своего жалованья Евгений Васильевич должен был содержать и денщиков, и повара, и кучера, и даже шофера. Кстати, у твоего дедушки было одно из первых авто в Харькове! Но ведь какие это было рубли – золотые! С золотым покрытием в 110 процентов, и без всякой нынешней инфляции, прости господи!

А летом все воинские части, которые стояли в городе (восемь полков, чуть ли не армия), выдвигались в лагеря в Чугуево. Целых три месяца там проводились учения, всякие военные игры. Все солдаты и офицеры жили в палатках. Толь-

ко командиры полков – в отдельных домах вместе со своими родными. Семья наша была большая – шестеро дочерей и столько же сыновей. «Чертова дюжина», – говорила бабушка и невесело улыбалась.

* * *

Из педагогических соображений мудрая мама, рассказывая девочкам о своем папеньке, генерале Энвальде, предпочитала умалчивать о некоторых особо выдающихся особенностях натуры Евгения Васильевича. Хотя годы спустя эти живописные подробности ей самой стали казаться простым ребячеством, забавными и милыми шалостями, нежели дурными наклонностями, пусть даже не всегда невинными.

В юные годы, вопреки семейной традиции, молодой человек, оказывается, вовсе не собирался строить головокружительную военную карьеру. Его куда сильнее манила сцена, и он всерьез собирался в артисты. Евгений был большим весельчаком, неплохо пел, играл на гитаре, увлекался декламацией. Но пойти против воли родителя, даже при дворе почитаемого генерала, наследник все же не посмел. Служил успешно, военные науки постигал прилежно и уверенно продвигался по ступеням армейской лестницы.

Тем не менее несостоявшийся служитель Мельпомены судьбе все-таки противился и даже в летних военных лагерях умудрялся сооружать большущие амфитеатры с настоящей

сценой, где по выходным, чуть ли не еженедельно, ставились любительские спектакли, проводились концерты для солдат и господ офицеров. Милица, кстати, впервые появилась на сцене именно в таком амфитеатре и позже танцевала там не раз. Но вот выступать перед обывателями в городском театре считалось недостойным дочери офицера.

Она по-доброму вспоминала отца и, посмеиваясь, позже признала, что он был неисправимым гулякой и баловником. Папа имел обыкновение время от времени исчезать из дома на несколько дней вместе с друзьями, подружками и компанией цыган, после чего, снедаемый угрызениями совести, обиженный на весь белый свет, он непременно возвращался в семью, чаще – на руках извозчика. Кучер передавал подгулявшего господина Энвальда выездному лакею, тот чистил его скребницей для лошадей, отмывал, стриг-брил и переодевал во все чистое. Окончательно пришедший в себя Евгений Васильевич, подумав-подумав, посылал денщика с отдельным поручением к знакомому ювелиру – за дорогими украшениями. И только потом, пристыженный, являлся перед рассерженной женой, дарил драгоценности и горькие слезы искреннего раскаяния. Она, тая от нежных слов и подарков, а особенно – от безумной любви к своему шальному и неугомонному супругу, прощала ему все на свете...

Правда, однажды, узнав, где на сей раз гуляет муж, переоделась вакханкой и в сопровождении знакомых нагрянула в этот вертеп, где закатила такой бурлеск, что все завсегда-

таи ахнули: кто такая?! Откуда взялась такая красавица?! К тому же, по всему виду, не из низшего сословия?!. При-
смотрелся и Евгений Васильевич. Боже, узнал! Момента-
льно протрезвевший, схватил жену в охапку и – домой! Так его
кутежи и кончились.

– А что потом? – перебивали маму девочки.

– А потом началась война... Мы провожали отца с его полком на вокзале. Нам строго-настрого было запрещено плакать, мама все повторяла, что ни женам, ни дочерям русских офицеров-дворян не пристало лить слезы, провожая отцов, братьев и мужей на фронт. Если уж плакать, то только ночью, в подушку... Все мои четверо старших братьев тоже отправились на фронт в первый же день войны. В тылу остались лишь двое младших, которые еще учились в кадетских корпусах.

Воронежский полк воевал отважно. В конце 1914 года, в день святого Николая Угодника, то есть в День ангела государя императора, наши солдаты захватили в плен целую австрийскую дивизию. Отец потом с гордостью говорил, что это был их подарок царю. После этого Евгению Васильевичу приказали принять командование дивизией и присвоили звание генерал-майора. А император наградил его Георгиевским крестом первой степени.

– Георгиевский крест... – вздыхала тогда бабушка. – Высшая воинская награда... А в феврале крест был поставлен уже на всей нашей судьбе...

Наступал 1917-й, год Великой Смуты.

Милица уже была выпускницей самого в ту пору престижного Смольного института благородных девиц. Она с гордостью перечисляла имена своих однокурсниц, которые носили звучные дворянские фамилии, были из генеральских семей, а если уж из штатских – то никак не ниже ранга действительного статского советника. Выскородных девиц готовили к придворной и светской жизни. Чему обучали? Предметов было немало – русская словесность и география, математика и история, иностранные языки, музыка, танцы, рисование. Обучали также хорошим манерам, этикету, а еще давали уроки домоводства. Поначалу девочки тут начинали учиться с шестилетнего возраста, а оканчивали курс уже 18-летними девицами. Позже срок обучения был несколько сокращен.

Именно в 1917-м Милице довелось танцевать в Смольном перед императорской семьей. Как она завидовала заветной шестерке лучших выпускниц, счастливым обладательницам «шифров» – золотых вензелей в виде инициалов императрицы Екатерины II, который положено было носить на белом банте с золотыми полосками... Кто мог подумать, что ее курс станет последним выпуском Смольного института?..

Вспоминая мамины новеллы, Марина позже скажет: «Расцвет ее юности пришелся на революцию... Она была среди тех, кто, воодушевившись новыми идеями, вывесил в день восстания красные лоскуты на окнах. Потом она видела, как

грабили евреев-суконщиков, и на всю жизнь запомнила, как отливающие разными цветами огромные куски ткани валялись, размотавшись по всей улице. Потом убили ее любимую классную даму – и она, как и многие другие девушки, в страхе бежала за границу...»

Генерал Энвальд настороженно воспринял переворот, произошедший в феврале 1917 года. Впрочем, он по-прежнему оставался верен воинской присяге, которую некогда давал ныне разваливающейся Российской империи. Но вскоре у него произошел конфликт с военным министром, «временщиком» Александром Керенским. Дивизия Энвальда, перед отправкой на фронт выстроенная под ружье перед вокзалом, вынуждена была ждать нового «спасителя Отечества» с рассвета и до самого полудня. Когда Керенский все же соблаговолил прибыть на станцию в царском вагоне, генерал вместо приветствия отчеканил: «Государь всегда прибывал вовремя, минута в минуту, а вы, Александр Федорович, заставляете солдат на морозе ждать вас столько часов. Я с любовью служил царю и Отечеству. Вам служить я не буду» – и подал в отставку.

Близким он говорил: «Несчастливым быть – проще всего. Когда это у нас, в России, перевороты, революции делали честных людей счастливыми? Всегда на крутых поворотах в первачи выбиваются не самые лучшие, а самые пронырливые и расторопные – те, кто смог оттолкнуть бежавших по внутреннему кольцу...» К этому Евгений Васильевич при-

дет несколько позже, а пока его, возвращавшегося с передовой, больше всего тревожила судьба родных, остававшихся в Питере. Он не знал, что тяжело заболевшую тифом Милицу и остальных детей жена везет ему навстречу. Она стремилась увезти семью как можно дальше из этой страны, от крови и революции. Провидение вмешалось. В дороге несчастные беженки совершенно случайно, на каком-то полустанке, встретили Евгения Васильевича. Генерал тут же забыл и о присяге, и о воинском долге, бросил все и занялся только спасением больной дочери и заботами обо всех остальных. Затем они изменили прежний западный маршрут, добрались до Новороссийского порта и последним английским кораблем ушли от российских берегов. Только через неделю «белогвардейский десант» высадился на живописном греческом острове Корфу, который аборигены называли Керкира. По преданиям, именно здесь, спасаясь от врагов и шторма, разыгравшегося в Ионическом море, нашли себе убежище Ясон и аргонавты...

###

Любовь Андреевна. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня

вместе с садом.

А. Чехов – «Вишневый сад»

Условия островной жизни для пришельцев, конечно, были не приведи господи. Какое там «золотое руно»? От хронического голода, бесконечных болезней и непривычного климата семья Энвальдов в одночасье потеряла восьмерых детей. Милице удалось выжить, как она считала, только благодарю тому, что она «любила танцевать». Да-да, именно так – ее спасли танцы, хореографический талант. Поначалу Милица плясала перед местными жителями на площадях, и те вознаграждали способную девочку-подростка хлебом и плодами своих фруктовых садов. Потом, перебравшись на континент, Энвальды осели в Югославии, в городе Субботица, на границе с Венгрией. Глава семейства с немалыми трудностями устроился дворником при местной сербской церкви. Он подметал двор, улицу, а в положенные часы звонил на колокольне. Он не чурался никакого, даже дворницкого, труда. Куда больше удручало его вынужденное изгнание из России.

По вечерам, когда поредевшая семья собиралась вместе, они тихонько пели. Рассказывая об эмиграции, мама обычно вспоминала песню «Молитва офицера», которую любили петь уцелевшие беглые белогвардейцы:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги

И грязью нас всех закидал.

Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сберется семья офицеров родная
Последнее дело свершить.

Тогда мы оружие свое боевое,
Награды, что взяты в бою,
Глубоко зароем под холодной землею
И славу схороним свою...

В день святого Николая Угодника, 19 декабря 1925 года, через одиннадцать лет после того памятного сражения Воронежского полка с австрийцами, в Субботице разразился сильный снегопад.

– Прямо как у нас дома, в России! – радовались соседи.

А Евгению Васильевичу пришлось взяться за лопату и метлу. Покончив со снегом, он отправился на колокольню. Уже начиналась литургия, и вот-вот должен был раздаться звон колоколов. Но, добравшись до звонницы, отставной генерал только и успел, что в последний раз взглянуть на площадь, тяжело вздохнуть и умереть. Паралич сердца.

Колокола потом звонили в его память. Евгения Васильевича Энвальда похоронили с воинскими почестями, принятыми в сербской армии, на православном кладбище в Субботице. Он завещал, чтобы его останки перевезли в Россию,

но только «после окончательного падения коммунизма».

Повзрослев, Милица покинула ставшую чужой постылую Субботицу и перебралась в Белград, где устроилась выступать в ночных клубах. Тогда многие из сверстниц торопились перейти границу между юностью и взрослой жизнью. Жизнь требовала: неси, девица, свой крест. Крест, сработанный из свинца безнадежья и ржавчины разочарований. Жить и нести на себе этот крест? Жить и знать, что жизнь не удалась? Жить, обманывая себя тем, что живешь ради высоких целей? Зачем? Этот простой вопрос разбивал вдребезги все прежние помыслы о жертвенности и неременной женской мужественности.

И что теперь? Она уже выросла и осознает, что раньше или позже... нет, лучше не думать об этом. Сначала должен появиться он, самый сильный, самый красивый, самый-самый... И вот тогда она потеряет голову от любви...

Он пригласил ее на танец. Вел ее уверенно, ей приятно было ощущать на талии его крепкую руку. Молодой человек представился:

– Владимир Поляков.

Потом они сидели рядом за столиком и разговаривали. Она слушала его рассказы, напомнившие ей былины о похождениях Еруслана и Ивана-царевича.

Единственный наследник владельца знаменитых самарских самоварных заводов даже в мыслях не имел продолжать процветавшее дело отца. Для начала он окончил юридиче-

ский факультет Московского университета и Московскую же консерваторию по классу вокала. Владелец хорошего голоса, Владимир быстро стал солистом филармонии, но одновременно еще и танцевал в опере Зимина.

– Милица, вы мне можете не поверить, но, хотя и вокал, и балет я ужасно любил, однако футбол мне нравился еще больше, я даже выступал за сборную Москвы. Но вы еще не знаете главного: перед вами – чемпион по стипль-чезу!

– Это еще что такое?

– Ну как же! Steeple-chase – бег с препятствиями! Правда, на ипподроме такие дистанции тоже обычно практикуют, но на бегах я только делаю ставки. И нередко успешно.

– Не слишком ли много увлечений для одного человека? По-моему, вы чересчур разбрасываетесь, Владимир, и... любите прихвастнуть...

– О чем вы говорите, милая Милица! Нет, конечно, нет! Но я вам хотел сказать: у вас очень интересное лицо... Я вас сейчас нарисую. Вы позволите?

В руке у него, как у фокусника из рукава, тут же возник карандаш. Он разгладил салфетку и несколькими уверенными штрихами быстро набросал изящный девичий профиль.

– Это я?

– Нет, вы – лучше! Я же только учусь.

– Вы еще и учитесь?

– Сейчас уже нет. Но прежде учился, и очень много. И в Императорском техническом институте, и в Военной школе

аэронавтики. Ведь я один из первых российских дипломированных пилотов. Хотите, мы с вами пролетим как-нибудь над Парижем?

– Вы живете в Париже?

– Да, уже лет десять, еще с войны... Можно я вас поцелую?

– ...

Славный город Белград. Поистине белый, светлый, теплый, праздничный, словно созданный для рождения романтических увлечений. Как замечательно, что он случайно оказался здесь, забрел в Панчево в этот пригородный кабачок, чтобы опрокинуть рюмку-другую вкусно пахнущей сливовицы... Но совершенно не случайно, что он встретил эту удивительную стройную девушку, которая так задорно отплясывала в самом центре зала, что самому захотелось закружиться с ней в танце.

Едва он пригласил ее, обнял за плечи и талию, сделал первый танцевальный шаг, едва затеял разговор за столиком, и сразу понял, что безоглядно влюбился в ту, которую родители назвали прекрасным старославянским именем Милица. Потом они долго гуляли по местным узким улочкам, болтали о пустяках и о главном, вспоминали о жизни в России и целовались на каждом шагу. Славный город Белград...

– Так, значит, ты еще с войны живешь в Париже?

Владимир засмеялся:

– Ну да! Вернее, и в Париже тоже. Когда началась миро-

вая война, я сразу собрался на фронт. Думал, буду военным летчиком. Но, увы...

– Сказали, что не годен?

– Да нет, – Владимир даже обиделся. – Меня, как единственного сына вдовы (отец к тому времени уже умер), по закону ...

– А, знаю, знаю, не имели права призывать, тем более в действующую армию.

– Откуда тебе это известно?

– Я как-никак все же дочь генерала, – напомнила Милица.

Но что для бравого авиатора были эти законы? Конечно, молодой Поляков отыскал лазейку. В 1915 году он, с немалыми трудностями и приключениями добравшись до Парижа, стал волонтером французского военно-воздушного флота. Оставшиеся дома друзья называли Владимира неисправимым романтиком, кто-то – авантюристом, другие считали анархистом...

В одном из воздушных поединков с германским летчиком Poliakoff (теперь его фамилия уже писалась именно так) был тяжело ранен и сбит. Французское правительство наградила героя Военным крестом.

– ...Потом в Сен-Рафаэле я окончил центральную авиационную школу, – продолжал он пересказывать Милице свою одиссею, – а когда меня демобилизовали, пошел работать на авиационный завод. Но это совсем неинтересно.

Тем более что именно тогда в ателье знаменитого масте-

ра Антуана Бурделя Владимир уже всерьез занялся скульптурой, лепкой бюстов, увлекся рисунком, даже выставлялся в престижных салонах. Он водил знакомство со всеми видными художниками Монмартра, с которыми кутил в «Куполе». Гуляли, как правило, широко, безрассудно, но красиво. Поляков гордился своим дружеским прозвищем Владимир Щедрый.

Но сцена его по-прежнему манила. Поляков начинает с пения в ресторанах, принимает участие в вечерах и благотворительных концертах, которыми увлекались многочисленные русские эмигрантские организации – артистическое общество, союз студентов, офицеров и т. п. Он гастролирует, выступает в оперных театрах Парижа, Монте-Карло, Латинской Америки. Кроме оперных арий, в его репертуаре появились также русские и цыганские романсы. К моменту встречи с Милицей Владимир Васильевич уже был солистом театра «Русская опера» князя Церетели.

После венчания молодожены отправились в Париж. Милицу приняли в труппу прославленного театра «Гранд-Опера», а Поляков по-прежнему продолжал выступать на сцене и гастролировать с концертами. Однако разразившийся экономический кризис разрушил все их мечты и планы. Парижанам, лондонцам, жителям Монте-Карло, как и остальным европейцам, стало не до музыки и балетов.

Пришлось Владимиру Васильевичу вспомнить свои былые инженерные навыки, и он устроился работать на завод

холодильных установок в парижском пригороде Клиши. Что такое Клиши? Clichy-la-Garenne – коммуна в департаменте О-де-Сен, в верховьях Сены. Места весьма живописные и примечательные. Не зря же во времена Меровингов здесь располагалась резиденция короля Дагоберта, а позже – королевские охотничьи угодья. Чета Поляковых довольствовалась маленькой квартиркой в рабочем квартале Клиши.

* * *

Отцу очень хотелось сына. Но в счастливом браке у супругов Поляковых одна за другой рождались дочери, которых награждали русскими именами – Ольга, Татьяна, Елена. 10 мая 1938 года на белый свет появилась Марина. В ее метрику записали: «De Poliakoff-Baidaroff Marina Katrin».

(«Байдарова» Владимир Васильевич позаимствовал у своей бабушки-татарки, когда в Париже обнаружился еще один исполнитель цыганских романсов, его полный тезка Владимир Поляков.)

К рождению Марины отцу девичьего семейства было уже под пятьдесят, а маме – чуть-чуть за сорок. Родители уже окончательно покинули профессиональную сцену. Но не искусство. Владимир Васильевич активно занимался организацией званных вечеров, концертов, фольклорных песенных и танцевальных праздников для многочисленной русской колонии, выступал сам. Мама давала еще и частные уроки хо-

реографии.

Благодаря бабушке, которая наконец-то перебралась в Париж, в доме общались исключительно на русском языке. До шести лет Марина вообще не знала ни слова по-французски. Бабушка много рассказывала внукам о России, о себе, дальних и близких родственниках. Как вспоминает Влади, она «учила меня русским песням, сказкам, стихам, водила в православную церковь. Верующей я не стала, но русское начало во мне навсегда окрепло...».

На семейном столе неизменно присутствовали традиционные российские блюда – борщ, лапша, котлеты с гречневой кашей, суп с куриными потрошками. По вечерам основательно, со вкусом, чаевничали, обязательно с домашним вареньем и отливавшем янтарем медом. Но, конечно, пироги, блины и прочие вкусности для девочек оставались под строжайшим запретом. Не дай бог послушаться – марш к станку!..

Семья у них, утверждала Марина, была замечательная, гостеприимная, радушная. Но, безусловно, богемная. В небольшой квартирке постоянно толклись самые разные люди. Приходили-уходили, выпивали, закусывали, дамы кокетничали, обмахиваясь изящными китайскими веерами, мужчины галантно пыжились, топорщили усы и набивали свои курительные трубки душистым английским табаком. Загорался зеленый глаз радиоприемника, несравненный Морис Шевалье пел «Париж остается Парижем», художники хвастались своими картинами, кто-то читал стихи, другие в

лица показывали свежие театральные байки. Нешуточные страсти загорались по поводу последних политических событий. Наиболее беспечные заявляли, что в Польше немцы ведут обычную колониальную войну, которая Франции никак не может коснуться. Но тут же очевидцы рассказывали, что на Елисейских Полях доморощенные фашисты в кровь избивали продавцов левых газет, рабочих, требовавших создания Народного фронта, и евреев. Владимир Поляков авторитетно заявлял, что Гитлер ни за что не остановится и непременно будет мстить всей Европе за Версаль. Новая мировая война уже стояла на пороге и стучалась в двери кованым сапогом.

В июле 1940-го пал Париж, над Триумфальной аркой взвился флаг со свастикой, и миллионы французов, в том числе, конечно, и семья Поляковых-Байдаровых, оказались «под немцем».

«Я помню запах войны, – говорила Марина. – Для меня это запах немецких сапог... Прекрасно помню один день. Мне было всего четыре годика... Мы с мамой выходили из магазина, когда увидели в конце улицы немецкие танки, медленно въезжавшие в наш квартал на окраине Парижа. Я так испугалась, что вырвалась из рук матери и бросилась к стоящему на тротуаре военному. Крепко обхватив его за ногу, я прижалась щекой к его хромовому сапогу. Мне казалось, что этот сильный, красивый человек в военной форме должен защитить меня. Оторвав от танков свои полные слез и

ужаса глаза, я подняла их вверх... и, о боже! Это был немецкий офицер, который быстро-быстро заговорил что-то непонятное на своем отрывистом, гортанном языке. Эти звуки до сих пор далеким эхом отдаются у меня в ушах. Я люблю немецкую культуру, оперу, музыку, но и сегодня я не могу равнодушно слушать немецкую речь...»

Для гитлеровцев, понимала девочка, мы были ничто, и только поэтому они на нас не обращали внимания. «Мы жили около большого вокзала, который бомбили все время. И американцы потом бомбили... Голод... Моя мать похудела на 30 килограммов... Она ничего не ела, все отдавала детям... И были очень суровые зимы в то время. У нас не было отопления, спали одетыми, в пальто... У отца был полушубок, нас им накрывали. Когда отец уходил на работу, он давал мне кусочек мяса. Он единственный, кто в семье ел мясо, потому что он трудился на складе-холодильнике в Клиши и, кроме того, подрабатывал садовником. Он мне давал кусочек мяса, и я его весь день сосала. Отец не был коммунистом, он был анархистом. Но родители очень переживали за Россию...»

В годы войны германские оккупационные власти предложили инженеру Полякову работу, связанную с авиастроением. Видимо, о его изобретении закрылок для самолетов им стало что-то известно. Владимир Васильевич под надуманным предлогом отказался. Отец, говорила Марина, очень боялся, что немцы воспользуются его техническими разработ-

ками, и сжег все свои чертежи. Удивительно, но его не тронули.

«la Ragazza in Vetrina» – «Золушка в витрине»

«Ирина. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушает нас, как сорная трава... Текут у меня слезы. Это не нужно... Работать нужно, работать...»

А. Чехов – «Три сестры»

«Я не проснулась однажды утром с решением, что буду актрисой! – заверяла Марина. – Но и не избрала эту профессию случайно – меня к ней сознательно готовили. Конечно, мне повезло – я не провела годы простой статисткой. Благодаря моим родным еще ребенком работала на радио и в дубляже. Меня это очень развлекало, но я еще и гордилась тем, что зарабатывала деньги. Мне никогда не приходило в голову, что я могла бы заниматься чем-то другим. Кроме того, это был способ избавиться от бедности...»

Впервые она вышла на сцену в два с половиной (!) года. Родители готовили представления сначала в православной церкви в Клиши, потом в русской консерватории в Париже, а накануне мама три дня кряду пекла пирожки для гостей. Маринка тянулась к угощению, танцевала и пела. «Что танцуешь, Катюня?» – «Польку-полечку, мамуня...» Мама по-

звала отца, и они с интересом стали наблюдать, как их кроха точь-в-точь повторяет все танцевальные па и помнит наизусть тексты песенок, с которыми перед публикой уже выступала восьмилетняя Елена.

«Ну как? – родители посмотрели друг на друга. – Дебют? Дебют!»

Чтобы танцующую Марину было лучше видно зрителям из задних рядов, ее ставили на стол. Девчушка пела и танцевала:

- Что танцуешь, Катенька?
- Польку, польку, маменька.
- Что за танец, доченька?
- Самый модный, маменька...

Потом русская община в Париже на Рождество устроила домашний концерт. Семейство Поляковых-Байдаровых в полном составе блистало в одном из номеров. Марина в нарядном сарафане и ярком платочке изображала матрешку и звонко подпевала родителям и старшим сестрам, которые исполняли частушки. В качестве гонорара Марине досталась красивая кукла, с которой она потом долго-долго не могла расстаться.

С девяти лет Марина уже начинает пробовать свои силы на радио. В своей первой радиопьесе она играла вместе с самим Франсуа Перье, популярнейшим актером театра и кино. Когда в 1963 году они встретились на съемках фильма «Дра-

же с перцем», то хохотали до слез, вспоминая Маринины мучения со всеслышающим микрофоном и то, как она вздрагивала, едва раздавалась грозная команда режиссера: «Тишина в студии!» Чуть позже начинающей актрисе уже доверили роль ведущей одной из детских передач. Потихоньку она начинает приобщаться и к кино – ей поручают дубляж иностранных фильмов...

Все та же злобредная соседка Поляковых, Танька Фролофф, завидовала нарядам Марины, в которых она выступала перед гостями: голубое платье с синим бантом на поясе, серебряные туфельки... Но танцевала эта красотка, по мнению соседки, непристойно: «Все время пыталась задрать юбку выше головы и постоянно подмигивала мужчинам. А взрослые хлопали и хвалили ее... Она всегда была очень раскованна. А мама ее все твердила, что ее дочь станет известной актрисой...»

Следом за старшими сестрами Марина поступила в хореографическое училище при театре «Grand Opera». Уже умудренные горьким опытом, они предупреждали ее: манеры у тамошних балеринок кошмарные, так что держи ухо востро. Действительно, очень скоро соученицы попытались верховодить и помыкать Мариной, называя ее не иначе, как «sale Russe» – «мерзкая русская». «Но ничего, я сильная, – успокаивала сестер Марина, – и их луплю». Недаром же папа, воспитывая ее как мальчишку, в свое время давал ей уроки бокса! Но, сознавая свое физическое превосходство, она все

же старалась не перебарщивать и не применяла силу бездумно. Правда, сознавалась Марина, как-то чуть не задушила одну девчонку, которая посмела вновь обозвать ее «грязной русской». Я повалила ее на землю и могла бы убить, если бы не дворник...

Марина не отрицала, что росла гордой, самоуверенной и дерзкой, и для близких, наверное, была невыносима. Не всегда считалась с мнением матери, отца, была разбалована до такой степени, что когда ее просили вынести мусор, могла нахально ответить: «Нет!», глядя прямо в глаза. Но только один-единственный раз получила пощечину от мамы за очередной отказ, и однажды отец наказал ее, когда она не хотела идти в школу.

Несмотря на природную пластику, гибкость и грацию, она прекрасно понимала, что второй Анной Павловой ей никогда не бывать. Для профессионального балета она, конечно, была слишком крупной девочкой.

Но, как часто бывает, палочкой-выручалочкой и стартом артистической карьеры стал случай...

У Жана Жере все было готово к началу съемок – от декораций до исполнительницы главной роли, и даже девушка с хлопучкой вызубрила свои слова и в любой момент была готова воскликнуть перед камерой: «Дубль номер один!» – но актриски на эпизодическую роль младшей сестры героини по-прежнему не было. Режиссер нервничал, весь график съемок летел к черту, продюсер недовольно фыркал чуть ли

не в лицо. На правах первой актрисы Одиль Версуа решила рискнуть:

– Может быть, попробуете мою сестру?

Так состоялся дебют юной Марины на большом экране. «Сниматься в фильме в одиннадцать лет – это не совсем работа, – рассказывала счастливая девочка. – Мой первый фильм в Риме был для меня скорее приключением и чудесными каникулами, я успевала покататься на велосипеде и на роликах, а в перерывах объедалась цыплятами, пиццей, пирожными – всем, чем меня угощали. Киностудия «Чинечита» казалась мне парком развлечений».

Приглядывать за дочерью было поручено отцу. Но, завершив «дневную смену», Владимир Васильевич, дождавшись, когда Марина уснет, на цыпочках тихонько подходил к двери – и исчезал в казино, которое, как на грех, располагалось прямо под балконом снятой для Поляковых квартиры. Утром, когда он возвращался, похожий на нашкодившего ребенка, Марина уже собиралась на съемки. Им было достаточно обменяться взглядами. У нее уже тогда проявлялся мужской характер, и в свои юные годы она запросто отчитывала отца, не переставая при этом его обожать и боготворить.

Затем Марину пригласили на съемки в английскую картину «В жизни все устраивается». Название фильма оказалось пророческим. Она сама чувствует: да-да, в жизни мадемуазель де Полякофф действительно все устраивалось. «Меня отчислили из школы «Оперы», – беспечно сообщала она по-

друзьям. – На этом и закончилось мое образование».

Первый успех вдохновлял на новые победы, крепла вера в свой бесспорный талант и обязательный успех.

«Уважаемый господин! Узнала, что вы ищете для фильма «Утро будет поздним» девушку с бюстом, – храбро писала она известному режиссеру Леониду Могаю¹ в свои неполные 12 лет. – У меня его пока нет, но я сыграю хорошо. Если вы захотите, можно подложить что-нибудь – и вы не пожалее-те!..»

Марина признавалась: «Что касается бюста... то он у меня появился. Из костлявой плоской соплячки я преобразилась во вполне зрелую, высокую, ростом в 175 сантиметров, женщину. Я восхищалась своим телом и, любуясь собой в зеркале, считала себя Венерой...»

Она восхищалась собой? А как, представьте, восхищались ею!.. Сверстники хороводились вокруг, юноши постарше уже бросали опасные взгляды, похотливые любители «лолит» просто изнемогали от желания и не находили себе места.

...Ванная комната была выложена черным кафелем, блюдцевидная посуда цвета морской бирюзы была утоплена в пол, лежа прямо у ног. Зеркало – в полный рост. Вот ее отражение – юное лицо, крепкая грудь, точеные бедра,

¹ Могай Леонид (1899–1976) – французский режиссер, сценарист, продюсер. Уроженец Санкт-Петербурга. Автор к/ф «Дай мне шанс», «Мужчины хотят жить» и др.

длинные ноги. Кто бы объяснил, почему этим телом бредят те, кто именуется себя сильным полом? Да и как они могут так себя называть, если готовы рабски поклоняться ей... Иногда у нее создавалось ощущение, будто весь мир вращается вокруг нее. Вся жизнь, весь смысл, все войны, все победы и поражения – все из-за нее, колдовской затейницы.

Но она не позволяет никому ничего лишнего, запретного, она занята собой и воспринимает жадные взгляды постольку-поскольку. В отличие от кокетки Дениз, которая иногда секретничала с ней, рассказывая о своих похождениях с мальчиками. Ее рассказы воспринимались как небылицы. Марина уверена, что подружка больше врет, фантазирует, чем говорит правду, пытаясь таким глупым образом утвердиться, считая ее целомудренной задавакой и глупышкой.

В четырнадцать лет она заключает очень выгодный контракт с кинокомпанией «Чинечитта» и переезжает в Рим. В титрах итальянских картин актриса пока значилась просто как «Марина». Русская фамилия, да еще двойная, продюсерам казалась слишком длинной, с трудом воспринимаемой, а потому – незапоминающейся. Думай, девочка, думай!

Свои «римские каникулы» она воспринимала как сказочный сон: «Целыми днями я бродила улицами... босиком, с распущенными волосами, в брюках и расстегнутой блузке, без бюстгальтера. Чувствовала себя богиней, привлекающей всеобщее внимание...»

При этом она не боялась никого и ничего. «Физиологи-

ческая перемена совпала с переменой образа жизни, – говорила Марина. – Я покинула семейное гнездо и бесстрашно ринулась навстречу новой жизни и карьере. Стала самостоятельной... Чувство свободы, обретенное мной, я понимала, прежде всего, как возможность «взрослой» жизни».

...То утро началось необычно. Горничная сообщила, что синьор режиссер ждет ее на завтрак в ресторане. Что за причуды, гадала Марина, спускаясь по лестнице, прежде такого еще никогда не бывало. Завтрак с мэтром?

За столиком он сидел один. Когда Марина подошла, вместо приветствия режиссер молча протянул ей пачку сигарет: кури, не прячься. Она машинально взяла сигаретку, щелкнула зажигалкой.

– Твой отец умер.

«Когда теряешь отца в таком юном возрасте, земля буквально уходит из-под ног, – вспоминала Марина. – Я очень тяжело переживала его смерть. Сразу ощутила себя взрослой, из-за чего конфликт с мамой, для которой я оставалась все еще ребенком, стал неизбежен... Теряя в моих глазах авторитет, она ужесточила тиранию, превышавшую все пределы. Мне запрещалось пить, курить, есть. Могла только спать и учить роль. Мама была очень недовольна моими крупными плечами и старалась держать меня впроголодь. Когда я возвращалась домой после 16-часового рабочего дня, слишком усталая, чтобы идти в ресторан, мне всякий раз подавали два малюсеньких пирожка с творогом – деликатес! А я

хотела жрать! Это была неутоленная страсть. Порой я затягивала мать в ресторан, где набивала живот спагетти... Обожала есть все подряд, до такой степени, что когда ощущала, что больше в себя уже не впихну, выбегала в туалет опорожнить желудок, чтобы потом все начать сначала!!!»

Мама, как строгий цербер, каждый день сопровождала дочь на студию, присутствовала на съемках от начала до конца, не оставляя ее без своего внимания ни на минуту. Однажды Марина не выдержала и вспылила:

– Мама, уйди! Разве ты не видишь, что мешаешь мне работать?! Я бы хотела работать без твоих замечаний.

Милица Евгеньевна, мгновение помедлив, поднялась и, не произнеся ни слова, покинула съемочную площадку. Ради того, чтобы утихомирить нервы, она проделала весь путь в 25 км от студии «Чинечитты» до центра Рима пешком. Больше на съемочной площадке она не появлялась. Марина после, конечно, корила себя: «Я тогда не понимала, что лишила ее величайшей радости – видеть меня за работой. Думаю, что мама, наблюдая за моей карьерой, как бы брала реванш за свою серую и скромную жизнь».

Владимира Полякова-Байдарова похоронили в офицерском каре на русском православном кладбище Sainte-Genevieve-des-Bois. В память о нем Марина взяла себе творческий псевдоним – Влади, под которым ее и узнал весь киномир.

Конечно, Марина отдавала себе отчет, что все эти ее ита-

льянские фильмы не являлись шедеврами кинематографа и были обречены на скорое забвение. Но вот ведь парадокс: сами картины стирались в памяти зрителей, но яркий образ их героини оставался. «Я играла главные роли, – без тени смущения говорила Марина, – меня узнавали на улицах, и я была этим очарована. Как-то меня пригласил на пробные съемки сам Орсон Уэллс, представляете? Он, правда, так и не снял тогда тот фильм, но между нами сразу возникли дружеские отношения».

В отличие от многих других актрис, юных дарований, кинозвездочек, Марина живо интересовалась работой настоящих мастеров кино. Узнав, что где-то рядом, в соседнем павильоне работает легендарный французский режиссер Жан Ренуар (он снимал тогда «Золотую карету» с Анной Маньяни в главной роли), она, ловя свободную минуту, стремглав мчалась туда: «Упрашивая машиниста, я пряталась за декорациями и смотрела, как Ренуар руководит съемкой. Это зрелище меня просто завораживало, благодаря ему я стала многое понимать в своей профессии».

«**Jours D`Amour**» – «**Дни любви**»

«Вечный город» дышит историей? Чувственный Рим дышит любовью!

Марина сидела в трагтории и наблюдала за забавой, которую придумал хозяин заведения Марио в надежде завлечь как можно больше посетителей. В огромный, наверное, ведерный, тяжелый бокал с водой он опускал апельсин и предлагал всем желающим аккуратно положить на сверкающий оранжевый бок плода монетку. Удержится лира хоть пару секунд – получай бесплатную выпивку! Нет – монета соскользнет в воду и достанется хозяину. Желающих испытать судьбу было немало. Но монет на дне бокала гораздо больше.

«Вот так, наверное, и счастье – все время выскальзывает из рук, – думала девушка, милый грустный философ. – И вообще, существует оно? Если и существует, то не долее чем миг, поймать который трудно. Полного, бесконечного счастья, пожалуй, не существует. Счастье – это только мгновения жизни...»

Едва увидев Марину на пробах, жгучий красавец Марчелло Матростянни² совершенно потерял голову Название

² Матростянни Марчелло (Марчелло Винсенто Доменик) (1924–1996) – итальянский актер. Роли в кино: «Сладкая жизнь», «Ночь», «Развод по-итальянски», «Восемь с половиной», «Дни любви», «Брак по-итальянски» и др. Кавалер ордена «За заслуги перед Итальянской республикой».

их фильма «Дни любви» он воспринял буквально и, повторяя по-итальянски, как заклинание: «Giorni D'Amore! Giorni D'Amore!», следовал за своей очаровательной партнершей по пятам не только на съемочной площадке, но главным образом вне ее – в гостинице, в ресторане, в кафе, в лифте, да где угодно, лишь бы подальше от всевидящего ока кинокамеры, спящих юпитеров, лишних соглядатаев и вечно надуленного синьора Джузеппе, постановщика картины.

– Как этот человек собирается снимать комедию? – возмутился Марчелло. – У него же нет чувства юмора! Кстати, сколько тебе лет, Марина? Всего пятнадцать? – Он тут же приходил в восторг. – Так это здорово! У нас завтра очень интересная сцена. Мой Паскуале должен поцеловать свою Анжелу. Ты умеешь целоваться?.. Да нет, это делается не так!.. Марина, пойми, мы всего лишь репетируем... Ты же хочешь стать настоящей актрисой? Вот и представь: старина де Сантис³ командует: «Дубль номер три!» Нет, опять не так! Давай попробуем по-другому. Я уверен, у тебя получится...

«Марина не была красавицей. Но было в ней нечто такое, – вздыхал профессиональный киногерой-любовник, – что сражало любого мужчину с первого взгляда». Друзья Марчелло похохатывали: «Наш сердцеед, похоже, сошел с ума – он носит девчонку на руках!»

³ Де Сантис Джузеппе (1917–1997) – итальянский режиссер, сценарист, основатель течения «неореализм». Участник Сопротивления, член ИКП. Автор к/ф «Рим, 11 часов», «Нет мира под оливами», «Дни любви», «Они шли на Восток» и др. Лауреат Венецианского МКФ.

Неизвестно, вернее, известно, чем бы закончились уроки профессионального мастерства по классу «искусство флирта», но пыл Марчелло да и Марины тоже умело остужала бдительная старшая сестра Ольга, которая, по счастливому стечению обстоятельств, тоже принимала участие в «Днях любви».

Этот фильм был первой цветной европейской картиной. «Я понимала, какую ответственность возлагает на меня де Сантис, – признавалась Марина, – и это меня очень воодушевляло. Многие мне просто завидовали. То удовлетворение, которое я получила, было куда важнее популярности, узнавания на улицах... Благодаря «Дням любви» я открыла для себя то кино, которое полюбила навсегда».

Несмотря на то что жанр своей картины де Сантис обозначал как комедию, его фильм, как и прочие, имел некий политический смысл. Во всяком случае, коллеги режиссера по компартии были уверены в том, что ему удалось без прикрас показать безрадостную жизнь тружеников-земледельцев юга Италии. Основную часть съемочной группы составляли, кстати сказать, коммунисты.

В то время политические воззрения Марины Влади были весьма расплывчаты, туманны, они были не радикальными, но с присутствием «детской болезни левизны». Словом, в голове был некоторый сумбур, как у отца. Тем не менее она с азартом участвовала в акциях протеста по «делу Розенбергов», казненных по обвинению в шпионаже в пользу Совет-

ского Союза, бегала на демонстрации, подписывала какие-то гневные петиции, разбрасывала листовки и даже дралась с полицией. Откровенно говоря, ей просто по душе были веселые и бесшабашные молодые итальянцы, именовавшие себя коммунистами, то, как здорово они пели и, не боясь ничего и никого, клеймили позором все, что им претило.

Что же касается Мastroяни, Марина не считала нужным скрывать: «Да, я нравилась Марчелло. Но позже мы стали как брат с сестрой».

Но очередное сердечное увлечение Марины стало серьезнее. Она не могла поверить своему счастью – «Я познакомилась с Марлоном Брандо!⁴ Я была не просто его фанаткой, два года я сходила от него с ума. По несколько раз смотрела все его фильмы, которые показывали в Риме. По воскресеньям, в мой единственный свободный день, регулярно просматривала четыре-пять картин с Брандо, одно присутствие которого на экране ввергало меня в невыразимый экстаз».

Она давала волю своим эмоциям. Во время демонстрации фильма «Viva Zapata!», не контролируя себя, вцепилась в мамину руку и так вертелась в кресле, что опрокинула целый зрительский ряд – человек 15 полетели на пол кувырком. Марина пыталась подражать его манерам, неспешной походке, имитировала «фирменные» позы Брандо, небреж-

⁴ Брандо Марлон (1924–2004) – американский киноактер. Роли в к/ф – «Трамвай «Желание», «Крестный отец», «Последнее танго в Париже», «Супермен», «Апокалипсис сегодня» и др. Лауреат премий «Оскар», «Золотой глобус», «Эмми», Каннского МКФ.

но опираясь плечом о стену с кислой миной. А каждое утро перед выходом из дома страстно целовала огромный портрет Марлона, который украшал стену в ее комнате. Даже в совпадении начальных слогов его и ее имени девочка видела указующий перст судьбы.

«И вдруг... я встретила его на каком-то приеме в Риме, – рассказывала Марина. – Он приехал, одетый в черный плащ и широкополую шляпу, выглядел прямо по-королевски. Я застыла на месте, не смея поднять на него глаза. Но все-таки верила, что он меня заметит. Он поздоровался с несколькими знакомыми, пожал им руки и подошел... ко мне, чтобы пригласить на танец. Я чуть не умерла. Мы танцевали несколько минут молча, потом он сказал: «Тут можно скиснуть. Пойдем куда-нибудь!» Я вышла за ним и только тогда обратила внимание, что выше его ростом. Но это не имело никакого значения. Мы гуляли, выпивали в маленьких кафе...»

– Ты мечтаешь продолжать сниматься в кино? – Он покачал головой и прикоснулся к ее щеке. – Я должен предупредить тебя, топ шер (я правильно говорю?)... Не мною сказано, что искусство требует жертв... – Он медленно, как бы лениво, заглянул ей в глаза и улыбнулся. – Ты понимаешь?

– Я догадываюсь, – чуть слышно пролепетала она; шампанское уже не казалось ей таким безумно вкусным, а партнер таким неотразимым.

– Конечно, ты же умница, я знаю. Увы, девочка моя, это

правда жизни. Она мало кому нравится. Кино, как покрывало, скрывает низменные страсти. И если ты действительно хочешь достичь успеха... – он притянул ее поближе к себе, – я, по всей вероятности, смогу тебе помочь.

Потом они танцевали и обнимались прямо на улице до трех часов утра. Наконец Брандо проводил Марину к дому на Виа Маргутта, где она жила.

Она помнила каждую деталь их романтической прогулки: «Все соседские коты, которых я систематически подкармливала, наблюдали за нами с удивлением – ведь еще не подошло время их кормежки! Мы подошли к дверям, а они оказались заперты, и ключа у меня не было. Я позвала маму. Окно отворилось, мама выглянула и бросила мне ключ.

– Мама, ты что, не видишь, с кем я?

Мама, хорошо зная предмет моего увлечения, только и сказала: «Но он такой маленький!»

Следующим вечером они вновь встретились, долго бродили по Риму, потом еще раз и еще. Каждая прогулка казалась Марине фантастическим путешествием. Но внезапно Марлон пропал. Ей сказали: срочно уехал. Уехал? Куда? В Америку? В Англию? Зачем? На сколько? Можно ли ему позвонить?.. Она перестала есть и пить, похудела, осунулась. Ей даже хотелось умереть. В этот момент подоспело приглашение от Андре Кайатта сыграть главную роль в его фильме «Перед потопом», и Марина вернулась в Париж. Но чувствовала себя по-прежнему ужасно, закрывалась в своей комна-

те, плакала, била посуду. Однажды пришлось даже выламывать дверь. Позже врачи объяснили маме: у девочки сильный приступ депрессии, нужен покой и только положительные эмоции. Вы понимаете, мадам? Только положительные...

Неожиданно позвонил Он: «Приезжай. Я болен».

«Я сломя голову помчалась к нему, – позже каялась Марина. – Действительно, он лежал в постели и выглядел неважно. «Ты будешь меня лечить», – заявил он. Было ясно, что вылечить его могла только женщина. Он притянул меня и обнял. Наконец-то! Я готова была отдаться ему тотчас же! Когда он уже расстегивал мне лифчик, зазвонил телефон. Какой-то приятель интересовался, чем он занят. Я услышала его ответ по-английски: «Как раз собираюсь лишиться девственности одну соплячку». В ту же секунду мое желание остыло. Я встала, надела блузку и вышла. Больше я никогда с ним не виделась. Он звонил мне много раз, но я холодно просила, чтобы он оставил меня в покое. Испытывала адские муки, но уступать не хотела. О компромиссе не могло быть и речи! Мужчины – негодяи, а их тон, манеры, выражения просто отвратительны!...»

(Позже, когда до Марины стали долетать слухи о бисексуальности Брандо, они вызвали у нее легкое чувство злорадства. Впрочем, к сексуальным отклонениям Влади относилась спокойно. Во время съемок «Принцессы Клевской» она утешала рыдающего Жана Марэ, которого бросил друг, и была тронута его горем: «Я тогда осознала, что мужская

пара столь же мучительно переживает разрыв, как и любая другая».)

Уроки Брандо в будущем ей пригодились: «Я не позволяла никому себя оскорблять, никогда. У меня нет какого-то своего метода. Просто когда человек начинает трудиться, делать карьеру, как я, в тринадцать лет, приходится надеяться только на себя... Я была такой твердый орешек, как меня называл один приятель. Мама, конечно, была рядом со мной, но ведь не всегда. Чаще я была предоставлена самой себе. Так очень быстро начинаешь понимать, как надо вести себя, чтобы люди тебя не задевали. Я с легкостью научилась отделяться от тех, кто мне не нравился, от тех, кто просто надоедал мне...»

«Соплячка» в свои пятнадцать уже могла себе позволить приобрести роскошный особняк с усадьбой в парижском пригороде. Maisons-Laffitte, всего в полчаса езды от центра французской столицы. 15-комнатный дом, окруженный лужайками, березками, зарослями жимолости и огромными старыми липами...

С малых лет она тяготилась унижительной нищетой, стыдилась условий, в которых жила семья: «Для меня самым главным было одно – выбраться из этой убогой квартирki, в которой мы ютились всемером, без ванной...» На осуществление своей мечты она израсходовала весь гонорар, полученный за 12 картин в Италии, в которых она снималась, снималась, снималась без конца и отдыха, по пятнадцать часов

в день. Магазины с модной одеждой и обувью она обходила стороной, спагетти предпочитала всем остальным блюдам. На счету была каждая лира. Опытные юристы, слава богу, подсказали верный ход: при покупке дом был оформлен сразу на всю семью – мать и сестер, что помогло избежать чрезмерных налогов.

Милица Евгеньевна была счастлива: карьера Марины складывалась самым удачным образом, остальные дочери за ней тянулись, а дом... Дом для нее служил символом благополучия, успеха и был надежной гарантией безбедного будущего. Марина замечала: «Мама просто помолодела, повеселела и стала душой семьи и усадьбы, куда все мы возвращались, поверяя ей все свои радости и печали. Она понимала нас лучше всех, и такое счастливое взаимопонимание длилось целых 19 лет, до самой ее смерти». Ощущая себя старосветской помещицей, она с любовью обустроивала имение, обихаживая «вишневый сад» Поляковых на свой лад, как некогда в бабушкиной усадьбе под Курском: щедрый травяной покров, над головами порхают щебечущие птицы, для которых соорудили удобные кормушки, по подворью вольготно разгуливают куры и многочисленные собаки.

На центральной аллее парка сохранили скульптуру красавца-коня, оставшуюся от прежних хозяев – ранее в Мэзон-Лаффит обретались профессиональные тренеры скаковых лошадей, наездники и жокеи. Старые конюшни тожегодились под хозяйственные нужды.

Безусловно, Марина еще не знала, не могла да и, откровенно говоря, не хотела знать всей изнанки этого мира, где за золоченой мишурой праздника скрываются зависть, тщеславие, страх, блудливая похоть. Но догадывалась, что на планете «Кино» выживает лишь сильнейший. Видела, что нередко успеха добиваются, торгуя оптом и в розницу телом и душой. И в то же время чувствовала, что стоит проявить слабость – и ты тут же превратишься в вещь, бессловесную, безропотную, покорную тварь. Наивный ангел уже выпорхнул из ее души, как бабочка из сачка энтомолога, алчного любителя гербариев.

Роль Лилианы Нобле в фильме «Перед потопом» стала крупным профессиональным успехом Марины Влади. Prix Suzanne Bianchetti, приз великой Сюзанны, который во Франции присуждают самой яркой и многообещающей актрисе года, ей вручала сама Симона Синьоре.

«Слава кружила мне голову, – вспоминала Марина. – Тогда мне казалось все возможным. Но все же в то время у меня хватило здравого смысла, чтобы понять: в нашей профессии каждый день все начинается заново».

Non stop! «Иногда месяцами я работаю по пятнадцать-двадцать часов в сутки... В четыре утра, на рассвете я заканчиваю в Амстердаме ночную съемку в картине «Золушка в витрине», а в одиннадцать – уже во Франции, в Шамборском замке, где переодеваюсь в пышное парадное платье принцессы... И это правило, а не исключительный случай.

Если учесть, что я очень люблю работать и работаю с полной отдачей, нетрудно понять, какое место в моей жизни занимают премьеры, фестивали, а какое – повседневный, напряженный труд... На всех итальянских студиях нас, актеров, эксплуатировали нещадно...»

Конечно, ей нужна была надежная опора со стороны тех, кто – Марина иногда хихикала – все еще мнит себя сильным полом. Но почему же женщины добровольно соглашались на вторые роли в жизни? Ведь мужчины – это большие дети. Так говорит мама, а еще раньше утверждала бабушка. Большие дети, для которых женщины есть лишь игрушки?... Я – игрушка? Какая чушь...

Незаметно для себя она уснула, и сон без сновидений смыл с души горечь обид, и наступившее утро вернуло все на свои места: солнце, море, весну, маму, воспоминания об отце, как обычно, улыбающемся, готовом к любым испытаниям судьбы.

###

Вы очень хорошо знаете также, что я Вас люблю гораздо больше, чем Вы того стоите, и отношусь к Вам лучше, чем Вы ко мне!.. Зачем же всю жизнь все сваливать на меня... Если Вы так слепы и не умеете разобрать хороших отношений, то не мне Вас от этой слепоты лечить. Иногда

люди слепы, потому что это для них удобнее!

Л. Мизинова – А. Чехову

Париж; 14 января 1899 года

– А знаешь, моя мама тоже когда-то училась в Санкт-Петербурге, в Смольном институте.

Марина недоверчиво посмотрела на Робера: «Ты шутишь?»

– Да нет же, клянусь, это – чистая правда. – Оссейн даже перекрестился. – Она родилась в Киеве, а потом ее родители перебрались в Петербург. Мамин дедушка был состоятельным, богатым человеком, банкиром. А в Питере он прикупил еще и доходные дома. В общем, жили Миневские до революции весьма неплохо. Деду, конечно, было все равно, кто у него квартировал, но для студентов-вольнодумцев всегда делал скидки. Он к ним как-то благоволил, заходил запросто, чаевничал, винцом угощал обязательно, вел всякие политические разговоры. Может, был человеком широких взглядов, таким либералом, а может, чуял, к чему все тогда в России катилось. А перед Первой мировой, мама рассказывала, все дедовы квартиранты куда-то исчезли. Поговаривали, что они вслед за своим Лениным отправились в Швейцарию.

– А дальше? – спросила Марина.

– Что «дальше»? Революция. Деда, естественно, арестовали. Но вот тут началось самое интересное. – Робер по привычке сделал многозначительную театральную паузу. – Ко-

миссар, который вызвал его на допрос, оказался одним из тех его студентов-квартирантов. Благодарным человеком оказался. Узнал деда, помог ему выправить документы и вместе с семьей отправиться из России в Румынию. Вот так мамина семья оказалась в Европе...

В этот момент дверь в комнату внезапно распахнулась и заглянула сестра.

– О, а наши голубки, оказывается, здесь уединились и воркуют себе...

Марина обернулась к сестре и досадливо махнула рукой: «Элен!» А Робер покраснел.

Позже он вспоминал: «Когда я впервые увидел Марину, она была совсем ребенком... Я хорошо знал ее старших сестер: уважал ум и такт Ольги... дружил с Элен Валье, играл в театре «Старая голубятня» вместе с Одиль Версуа... Одиль как-то пригласила меня в гости. Едва переступил порог, сразу обратил внимание на Марину, которой в ту пору было всего 11 лет. Но при этом талантливая девочка уже успела дебютировать в кино... Она была похожа на ангела! Золотые локоны, лучистые глаза, белоснежная кожа! Такая хрупкая, эмоциональная, нежная! Но какие могут быть взаимоотношения между взрослым мужчиной и ребенком?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.